

Ф.И. ШАЛЯПИН

(1873—1938)

Пресса и я

Мнение Фед. Ив. Шаляпина

— Вы просите меня сказать мое мнение о прессе... Извольте: Одного гимназиста учитель спросил на экзамене:

— Что он может сказать о Юлии Цезаре? И гимназист ответил:

— Ничего, кроме хорошего, г. учитель!

Вот и мне во избежание дальнейших разговоров очень хотелось бы ответить на вопрос: «Что я думаю о прессе»

— все тем же:

— Ничего, кроме хорошего, г. учитель!..

Однако я сам чувствую, что этот сакраментальный ответ не исчерпывает вопроса и — как ни вертись — нужно сказать еще что-то.

Пресса, пресса!!

Иногда — это мощная, великолепная сила, потрясающая умы сотен тысяч человек, свергающая тиранов и меняющая границы государств и судьбы народов. Эта сила в неделю делает человека всемирной знаменитостью и в три дня сбрасывает его с пьедестала.

Но иногда, пресса мне представляется милой купчихой, которая каждое утро за чаем занимается разгадыванием и толкованием снов, — и сидит эта милая купчиха, разгадывает сонные мечтания, и кажется ей, что все это важно, нужно и замечательно.

Расскажу для иллюстрации характерный факт, ничего не прибавляя и не убавляя.

Какая-то провинциальная газета преподнесла однажды утром такое «сонное мечтание»:

— «Шалапин собирается писать свои мемуары».

Я в то время пел за границей, а если бы даже и был в России, то, конечно, не взялся бы за перо писать опровержения.

Мемуары и мемуары... Собираюсь и собираюсь. Пусть так и будет. Им лучше знать.

А, пожалуй, даже в душе и поблагодарил бы газету за эту, данную мне, идею.

Другая газета, делая обычные вырезки, наткнулась на эту «сенсацию» и перепечатала ее, прибавив для округления:

— «Мемуары пишутся на итальянском языке».

Третья газета весьма резонно рассудила, что раз мемуары на итальянском языке — их итальянцы и должны издавать. Приписала:

«Мемуары издаются известной издательской фирмой Рикорди». Четвертая газета сообразила:

— «Издаются, издаются» ...Раз издаются, значит, проданы. А за сколько? Такие мемуары должны цениться не менее ста тысяч лир!»

Приписала: «Мемуары проданы за 100 тысяч лир».

Пятая газета — было очень веселое издание сангвинического темперамента.

— Обыкновенная, сухая, ничего не говорящая, никого не интересующая заметка! Надо к ней что-нибудь этакое... иллюстрировать ее.

И прибавила, дав волю своему темпераменту:

— Нам сообщают из достоверного источника, что рукопись Шалапина украдена у автора неизвестными злоумышленниками. Горе несчастного автора — лучшего исполнителя Олоферна и Бориса Годунова — не подлежит описанию.

И вот эта последняя заметка попала в руки большой, солидной газеты. Повертела ее в руках большая, солидная, серьезная газета, пожала плечами и написала: — «До чего доходит саморекламирование наших знаменитостей... Газеты сообщают о том, что «мемуары Федора Шаляпина украдены у автора какими-то разбойниками». Почему бы Шаляпину заодно уж не сообщить, что при похищении произошла кровавая битва, в которой убито десять человек с обеих сторон. Стыдно такому хорошему артисту пускаться на такие грубые «американские» штучки! Неужели лавры Собинова, объевшегося омарами, не дают ему спать?»

Меня же и выругали.

И не только меня, но за компанию и Собинова, виновного в том, что он десять лет тому назад поел несвежих омаров и заболел (об этом в то время сообщили газеты же).

Было бы хорошо, если б этим дело и кончилось. Ну, выругали и выругали. Мало ли кого ругают.

Однако кончилось вот чем:

Одна московская газета стала печатать статьи «Моя жизнь», — за подписью(!) «Федор Шаляпин». Печатали один день, два дня, три дня... Идея, очевидно, оказалась жизнеспособной.

Но когда я запротестовал, не желая чтобы читатель вводился в заблуждение — газета пообещала сделать мне с одним лицом (?) очную ставку (!!), утверждая, что мемуары я, действительно, писал и пишу, что перед очной ставкой «бледнеют самые закоренелые сахалинские преступники» и что ей очень интересно будет узнать, побледнею ли я (?)

Что я скажу о прессе?

Есть пресса вдумчивая, деликатная, осторожно подходящая к личной жизни артиста, а есть и такая

пресса, которая подойдет к тебе, осмотрит с головы до ног и, призадумавшись, скажет:

— Гм!.. Поешь? Тысячные гонорары получаешь? Вот тебе раза хорошенько, так не запоешь...

Не знаю — может быть, это болезненное извращение вкуса — но меня почему-то больше тянет к первой прессе.

И к этой серьезной прессе я обращаюсь с серьезной просьбой:

— Не браните меня за то, что разбойники украли у меня рукопись мемуаров; разберитесь раньше, чем осуждать меня за перебранку с директором того или другого театра; и не объявляйте поспешно мне бойкота за то, что я украл у своего лучшего друга велосипед, проплясал на бойкой городской улице камаринского, а потом поджег дом бедной вдовы и т.д. Многое в этом может быть и преувеличено.

В заключение скажу вот что: все, кто когда-либо слушал меня, кому я доставлял какое-либо удовольствие своим пением, и, наконец, все, кто писал обо мне, и читал обо мне, — поймите мое курьезное, странное, юмористическое положение в таком хотя бы простом, бытовом случае:

Я зашел поужинать в ресторан. Уселся. Сижу, меня узнали.

Пошатываясь, ко мне подходит «Он», опирается на стол...

— Гссс...ин Ш...ляпин? Да? Федор Иванович? Очень рад. Люблю тебя, шельму, преклоняюсь. Преклоняюсь. Поцелуй меня! А? Ну, поц...луй. Слышишь? Почему не хочешь? Зазнался, да? Потому что ты Федор Шалапин, а я только Никифор Шупаков?! Тебе я говорю или нет?..

И вот он со зловещим видом тянется влажными руками ко мне, стараясь половчее зажать мою голову и запечатлеть на моих губах поцелуй.

Теперь, если, выведенный из терпения, оттолкну его, — знаете, что обо мне скажут?

— «Один из поклонников известного баса и еще более известного грубого драчуна Ф. Шаляпина подошел к последнему с целью выказать свое восхищение перед его талантом. И что же? В ответ на это искреннее душевное движение — Шаляпин поколотил его. Поколотил человека, который хотел приласкаться... Вот они жрецы русской сцены!!»

«Синий журнал», 1912 г., №.50.